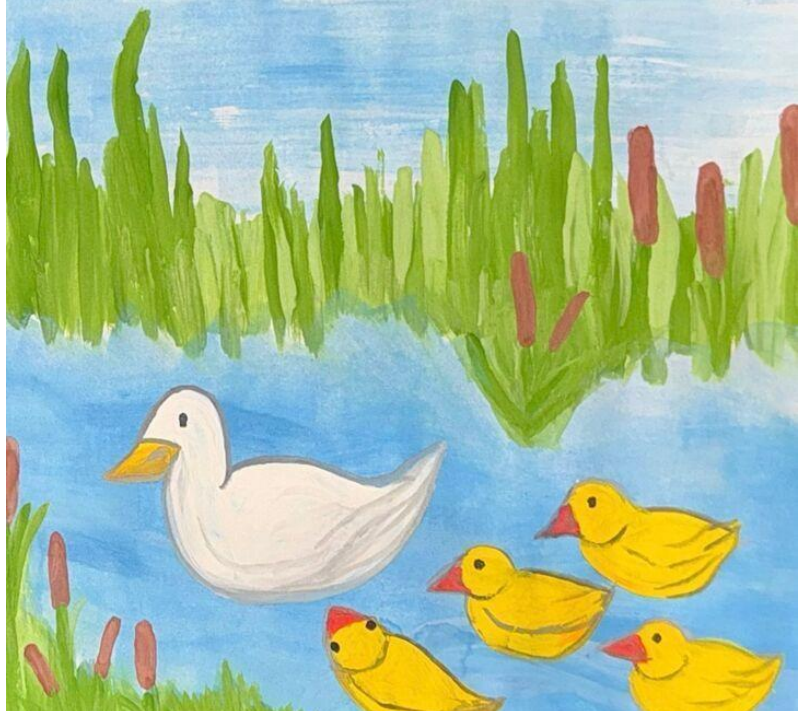

18+

Лидия Георгиевна
Кириченко

В ожидании чуда

сборник стихов

Лидия Кириченко
В ожидании чуда.
Сборник стихов

<https://litres.ru/74151944>

ISBN 9785007012935

Аннотация

Автор — глубоко верующий человек. Ее цель, чтобы как можно больше людей поняли, что Господь рядом и Он помогает. Данные стихи учат вере, доброте и милосердию. Это уже вторая книга Автора — бабушки, которая прожила трудную жизнь. В ней собраны самые первые стихи, на написание которых Лидия брала благословение у священника в 2014 году. Она упорно работала за ноутбуком и писала стихи, но старость и болезни стали преградами на ее пути. Лишь благодаря помощи близких людей сборник удалось выпустить.

Содержание

Благодарности	5
Биография	8
Генеалогическое древо	10
Конец ознакомительного фрагмента.	42

В ожидании чуда Сборник стихов

**Лидия Георгиевна
Кириченко**

© Лидия Георгиевна Кириченко, 2026

ISBN 978-5-0070-1293-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Благодарности

Выражаю свою искреннюю благодарность за огромную помощь, оказанную мне в организации, редактировании и оформлении этой книги Елене Мирошниченко, моей дочери Ирине Кириченко, моему сыну Александру Кириченко и моим правнучкам Александре и Тоне Кириченко. В этом сборнике стихов собран весь мой жизненный опыт и пройденный путь, собраны все мои знания.

Я благодарна всем, кто принял участие в издании этой книги и исполнил мою мечту!

Лидия Георгиевна Кириченко

Биография

Родилась Лидия Георгиевна 15 мая 1930 года в Краснодарском крае, в селе Иное-Малеваный. Отец работал на железной дороге, мать, родом из многодетной семьи. Когда маленькой Лиде исполнилось 6 месяцев, местная власть раскулачила ее деда, у которого жила молодая семья. Отобрали все-лошадей, коров, имущество, хотели отправить в Сибирь. Но мама доказала, что их семья принадлежит рабочему классу и их оставили. Жили в маленькой комнатке конюха.

Перед войной у родителей Лиды родились еще 2 девочки. И Лида стала ухаживать за ними, а также за небольшим домашним хозяйством.

В тяжелые годы войны Лидия Георгиевна работала наравне со взрослыми в поле, училась в школе, растила сестер.

Закончив школу с отличием, Лидия поступила в сельскохозяйственный техникум. После окончания техникума также на все пятерки, талантливый агроном поступила в Тимирязевскую Академию в Москве. После Академии по распределению попала в Закарпатскую область, где отработала 2 года агрономом, а после в Ростовскую, где отработала младшим научным сотрудником 15 лет и параллельно закончила аспирантуру. Потом Лидия по конкурсу прошла во Всесоюзный НИИ бахчеводства и овощеводства в Астрахани. Занимаясь селекцией, Лидия вывела сорт баклажан «Сме-

на-131», который за прекрасный вкус и высокую урожайность, полюбили не только в союзных странах, но также и за рубежом. На международной выставке сорт был отмечен золотой медалью. Лидия щедро делилась своими знаниями: вышли в свет ее труды-книги по выращиванию овощей «Наш огород» (1990 г.), «Томаты, перцы, баклажаны» и другие.

В 1992 году Лидия Георгиевна переехала в Петербург в деревню Вартемяги, где и живет по сей день. Несмотря на сложную, порой на грани выживания, судьбу, Лидия Георгиевна остается нежной, заботливой мамой, бабушкой и прабабушкой. У Лидии Георгиевны большая дружная семья: дочь Ирина, сын-Александр, два внука и внучка, и пять правнуков. В ее лучистом взгляде сияет свет любви и тепла. Она полна жизненных сил, рисует яркие жизнерадостные картины, делает поделки из камней и ракушек, пишет стихи. В ее сердце живет Вера, Любовь и Благодарность!

Генеалогическое древо

Меня зовут Лупенко (Кириченко)
Лидия Георгиевна.
Здесь схематично изображена
И описана моя жизнь,
По моим воспоминаниям
И воспоминаниям моей матери.
Изложена тут правда и только правда.

Среди лесов, полей и рек
Жил вблизи Воронежа русский человек —
Лупенко Иван Иванович.
У него было пять сыновей:
Петя, Коля, Ваня, Тимофей и Еремей.
Вскоре Ивана женили.
Свадьбу хорошую справили.
Потом двух внуков крестили,
Старшего Ваней славили.
Кончился Ивана Ивановича век,
Похоронили и остались сыновья сами.
Отец был строгий человек,
Теперь сыновья гуляли.
Начал наш Ваня чудачить.
Он решил теперь чумачить.

Недалече от села соль поварена была.
Ване в голову мысль пришла,
Чтобы соль в далекие края возить,
Там её продавать и этим жить.
Отправлялись в дорогу по несколько человек,
Чтобы не страшно было среди полей, озёр и рек.
Ехали по деревням,
Меняя и продавая соль, на юг.
Питались тем, что росло вокруг.
Во время поездки мир узнавали,
Много разного и необычного встречали.
Однажды вернулся Иван Иванович домой
После своей на юг поездки очередной.
Осень уже поздняя была,
А у него дома ни зерна.
Всё зерно, что с поля убрали,
Его братья пропили и продали.
Надвигалась холодная и голодная зима,
Она Ивана к родному дяде погнала.
Надо было хлеба займы попросить,
Чтобы зиму как-то пережить.
Дядя Ивану полные амбары зерна показал,
Однако ему ничего не дал, но сказал:
«Теперь иди и хозяйничай так, чтобы у тебя
Были так же амбары полны зерна, как у меня».
Ваня взял жену,
Двух меньших братьев и сыновей
И уехал на юг, где зима была теплей.
На Кубани, на хуторе

Малеванный землянку вырыли,
Зиму пережили, батрачили,
В работниках ходили.
Огород сажали, кур,
Гусей, пчёл разводили.
Саман сделали из земли,
Хату слепили, обмазали
И в ней временно жили,
Крупный рогатый скот разводили,
Травой да сеном зимой кормили.
На Кубани земля хороша, только не ленись.
Рано вставай, работай и попозже ложись.
Работали, деньги собирали, на дом копили,
Много и упорно все в семье трудились,
Со встречными трудностями мирились,
Над своим хозяйством радели
И постепенно разбогатели.
Братьев вскоре женили,
А потом и от себя отделили.
Они стали хозяйничать сами,
Рабочих рук в семье не хватало —
Женить сыновей время настало.
Старшего Семёна женили на Тане,
Вскоре у них родился сын Ваня.
Затем ещё у Семёна сын Юрий появился,
Следующий брат Сёмы — Георгий —
На Сане женился.
Это была мама моя —
Александра Яковлевна Яглова.

Родилась в семье крестьянской
На зелёном берегу реки Бузинки.
Быстро привыкла к жизни селянской
И к крышам из камышовой тростинки.
У Яглова Якова была большая семья,
И родная сестра с ними жила.
Вскоре её замуж в Выселки за Ткачева отдали,
Свадьбу справили и два дня гуляли.
В дальнейшем её правнук —
Александр Ткачев,
Был он Краснодарского края главой.
В доме всегда была обильная еда:
Борщ, мясо, салаты, рыба, пирожки,
В огороде — овощи, за забором — лебеда,
В погребе капуста, помидоры и сала куски.
В усадьбе был большой сад,
Где росли: терн, сливы, вишня,
Яблоки, орехи, крыжовник, виноград,
Абрикосы, шелковица, черешня.
Полные амбары отборного зерна,
Немало в конюшне лошадей,
Много коров и рогатого скота,
А во дворе сотни две уток, кур, гусей.
Так их жизнь была хороша,
Пока мама Сани была жива.
Грянула Первая мировая война.
Папу её — Якова Васильевича —
На фронт забрала.
Мама Ирина простыла,

Бельё в реке стирая,
И вскоре в горячке слегла, умирая.
Восьмерых малых детей оставила,
А сама в иной мир ушла, всех прощая.
Осталось шесть сыновей:
Вася, Дима, Петя, Федя, Лёня, Сергей.
И две девочки: Саня и Маня.
Старшему исполнилось 17 лет и 5 дней.
В то время был закон такой —
Ребёнок не должен расти сиротой,
И хотя всё ещё шла война,
Отец вскоре вернулся домой.
И в завершение всех бед
Не позволили Сане учиться в школе,
Хотя она отличницей была по Божьей воле —
Надо было для семьи готовить обед.
Год прошёл, потом второй,
Отец женился на другой.
Мачеха завистлива была и не прочь
Поживиться за чужой счёт.
Воров она подговорила
И в одну тёмную ночь
Своего мужа обворовала,
А сама ушла прочь.
Так и стал сам отец (Яков Яглов)
Своих детей растить,
Сыновей всех учить.
Тяжёлая жизнь была, куча детей мала,
То гремела революция,

То начиналась гражданская война.
Двадцать первый год был очень сухой,
Урожай зерна был очень плохой.
Очень трудно пришлось жить,
Нечем скот и детей кормить.
Часть скота пришлось съесть,
Коровам отдать сухой зелёный камыш с крыш,
А крыши покрыть, зимой камыш накосить.
Так и удалось этот голодный год пережить.
В двадцать втором году начался НЭП.
Единоличные поля
Стали постепенно зеленеть —
Крестьяне свои хозяйства стали развивать.
Стали приближаться к цивилизации,
Сыновья и дочери подрастали.
По приказу Сталина началась коллективизация.
В один день пришли и всё начисто забрали.
У революции закон был такой:
«Все люди должны быть равны.
Если все не могут быть богатыми,
Значит, все должны быть бедны».
Санин отец (Яков) записался в колхоз.
Весь скот и лошадей туда забрали,
Но плохой был за ними уход,
Погибших за ноги зимой в ров таскали.
Александру выдали замуж в двадцать лет
За Лупенко Георгия Ивановича 19-ти лет
На хутор Иногородний-Малеванный,
В чужую семью,

Где людей было человек двенадцать.
Семья была из зажиточных крестьян,
Которые сами часто недоедали,
Но для хозяйства покупали скот и инвентарь.
В этом был их большой изъян,
На всём буквально сэкономили.
Деньги на машину-молотилку собирали.
Мёд, хотя он был и свой,
Перед едой разбавляли.
У Сани родилась девочка Лида.
Приобретена машина-молотилка.
Свёкры (Лупенко Иван и Феодора)
Мечтали о жатке-косилке.
Но тут случилась большая беда.
Семью Лупенко раскулачили,
Скот и молотилку забрали,
А самих в Сибирь сослали.
«Ой, какое горе!» — люди судачили.
Александра, Георгий и Лида здесь остались,
Так как это была молодая семья,
Но у них даже белья не оказалось.
Всё надо было начинать с нуля.
Их тоже хотели в Сибирь сослать,
Но к начальнику поезда обратилась моя мать.
Саня ему сказала: «Мы молодая семья,
Муж мой рабочий, на руках дочь, а я его жена.
Какие мы кулаки?
Зачем в Сибирь мы ехать должны?»
Моя мама в то время

Молодая и красивая была.
В результате её просьбы
Наша семья вычеркнута
Из списка ссыльных была,
А одежда в Сибирь уехала.
Георгий продолжал
На железной дороге работать,
Саня была дома и воспитывала дочь.
Ползли по селу слухи,
Что Георгия могут посадить,
Так как он сын кулака,
Поэтому должен сгинуть навек.
Пришлось дом бросить и уехать прочь.
Остался на хуторе родителей Георгия
Дом под цинком,
Жилище его родителей и братьев родных.
Земля кругом,
Хата из двух комнат для молодых.
Но жизнь стоила гораздо дороже,
Поэтому всё оставили на забаву других.
Приехала в станицу Бузинку моя семья.
Мой папа Георгий, мама и (Лидия) я,
Туда, где Александра родилась.
В конюшне, у бабушки,
Комната для конюхов была,
В ней стояла кровать,
Стол и деревянная лавка,
Теперь она нам пригодилась для жилья.
Комната была тёплая — из самана,

Стены пятьдесят сантиметров толщиной.
В комнате русская печь была с плитой,
Было очень тепло зимой.
Вскоре в семье было прибавление.
Родился маленький мальчик Борис,
Красивый, всем на удивление.
Тяжело жилось, дела шли вниз.
Тут к Георгию два брата приехали,
Они от холодов из Сибири сбежали,
Этих братьев звали Алексей и Борис.
Их Татьяна (Георгия сноха) привезла,
Она по железнодорожному билету ездила туда.
Сталин в тридцать втором зимним холодом
Вспомнил, как казаки
С красными бились отважно.
Решил заморить за это их голодом,
А кто из них выживет, неважно.
Урожай в тридцать втором был отличный,
Но в продажу хлеб не поступал.
Колхозникам на трудодни его не дал,
Хотя они его выращивали лично.
Бурты зерна на Дону и Кубани гнили,
А люди от голода сёлами вымирали.
Ужасное было горе и беда,
Как будто здесь прошла война.
В нашей семье было двое взрослых
И четверо малышей,
А Георгий получал
Однн килограмм хлеба в день.

Он очень боялся, идя с хлебом по ночам,
А всего на человека приходилось 170 грамм.
Георгий потому хлеб получал,
Что на железной дороге в Тихорецке работал.
Началась весна, ели лебеду, крапиву,
Жора Саню послал отвезти Алексея в Москву.
Там на поезд посадить и отправить одного
В Половинку, где жили родители его.
Она уехала, оставив двух детей
И грудного ребёнка.
Из Москвы привезла толокно,
Сухари и цыплёнка.
За эти пять дней
Боренька очень изголодал.
Хотя до отъезда он ножками ходил,
Но после приезда на них больше не встал.
Еды ему явно не хватало,
Кругом сильный голод был.
БолеЛ, бледнел, грудь сосать перестал.
Он в эту зиму рахит подхватил,
У него стали большая голова и живот
И очень тоненькие ручки и ножки.
По земле он на четвереньках ходил,
Всё что-то щебетал и что-то говорил.
К осени были клубни картошки,
Однако мальчик не встал на ножки.
Он всё лето болеЛ и бледнел,
Хотя овощи и фрукты летом ел,
Он на четвереньках по саду ползал

И большое яблоко в руках держал,
Мило улыбался и что-то лепетал.
Несмотря на летнее солнце,
Медленно-медленно угасал.
Чтобы как-то детей прокормить,
Стали овощи и картофель растить,
Овец и корову держать,
Кур и гусей разводить.
Георгию часто приходилось не спать,
А думать, как бытовые вопросы решать.
Корову держать —
Надо мясо и молоко сдавать.
Где сено взять? Чем её кормить?
Кур держать — тоже яйцо надо сдавать.
Зерно им для еды покупать.
Георгий решил начальство
Железной дороги поить,
Чтобы дали участок, где сено косить.
Чтобы железную дорогу
Зимой не заносили снега,
Вдоль неё была посажена молодая лесополоса.
А чтобы молодую лесополосу сохранить,
Летом надо было
Вокруг деревьев сорняки удалить.
Решили между деревьями бахчу сажать,
А пропалывая её, сорняки уничтожать
И от сорняков молодые деревья защищать.
Поэтому участок под бахчу просить,
Чтобы детей витаминами кормить.

Семья бахчу сажала, лесополосу храня.
Отец сено для коровы косил,
Дети летом арбузы ели, домойнося,
А осенью продукцию с бахчи домой привозил.
В тридцать восьмом родилась Алла в ночь.
На свете не было её милей.
Прожила она мало, всего семь дней.
Так семья потеряла сына и дочь.
Очень трудно было жить,
Налоги натурой надо платить.
За корову надо сдать мясо и молоко.
С овцы — шерсть, с птицы — перо и яйцо.
Нашему хозяйству ввели строгий учёт.
Два раза в год поголовью был пересчёт:
С несушки — двести яиц,
Со свиньи — мясо и кожу.
Так и хотелось учётчикам заехать в рожу.
Один петух налогом не облагался,
Так неучтённым и оставался.
Дедушка моей мамы (Яглов Василий)
Посадил сад, но так как мама
В колхозе до войны не работала,
То у нас его отобрали,
Пятнадцать сотых оставили,
А пьяницам оголтелым отдали.
Те использовали его зимой на дрова.
Чтобы поголовье птиц держать,
Надо знать, где зерно взять.
Георгий пса Француза научил,

Чтобы он с поля домой кукурузу тащил.
Когда пёс початок домой приносил,
Нам он его не относил, не отдавал.
Он его в землю зарывал,
Себе на всякий случай запас создавал.
Поэтому, чтобы початок получить,
За ним надо было следить.
Не позволить ему его зарыть,
А кукурузным зерном кур накормить.
Но этого мало, чтобы птиц прокормить.
Поэтому старались гусей разводить,
Потому что им нужно мало зерна,
А летом в основном вода и трава.
Лида летом гусей пасла,
А когда хлеб с полей убирали,
То гусей на стерню гоняли,
Чтобы они потерянное зерно подбирали.
Они ловко колосья собирали,
Во рту умело зерно от половы отделяли,
А когда вдоволь наедались,
То напиться и освежиться
На речку отправлялись.
После питья на реке купаться оставались,
Там среди реки ночевали
И домой не приходили.
Утром опять на поле собирать зерно бежали,
А о собственном доме совсем забывали.
Когда река зимой замерзала,
Иногда гуси ко льду примерзали.

Тогда их ходили
И топором изо льда вырубали,
Домой приносили с кусками льда
И их отогревали.
Односельчане на речку бежали,
Своих гусей по домам разбирали.
Зимой Саня с Нетребенко повстречалась,
Которая на руках гусыню серую держала.
Пока она ей что-то «казала»,
Гусыня всё время к Александре обращалась.
Саня на гусыню взглянула,
Та от радости вся засияла.
А на лапке метку посмотрела
И от удивления обомлела.
Ведь гусыня Санина была
И хозяйку сразу узнала она.
И поэтому так много «га-га-га» говорила,
Пока Саня на неё своё внимание не обратила.
Односельчанка сильно разозлилась,
Что в воровстве была уличена.
Она зло прокричала: «Бери, коль твоя!»
А сама быстро удалилась.
В тридцать девятом родилась сестра Валя,
А в сорок первом сестра — Любовь.
Георгий ушёл на фронт,
Проливать за родину кровь.
Осталась Александра в избушке одна,
С совсем еще малыми детьми четырьмя.
А чтобы их одеть, обуь, прокормить,

Надо идти в колхоз «робить».
Настала холодная лютая зима.
Нет сухих дров, ни тонны угля,
Нечем корову кормить,
Да и печку с трудом удавалось топить.
Саня с Борисом на речку ходила,
Камыш на льду зимой косила,
Затем по снегу домой тащила,
А дома им печку топила.
Ночью из фермы сено носила,
Днем им корову кормила.
Часто и солому оттуда таскали,
Развязав вязанки, на ней спали,
А утром в печке её сжигали.
Лида и Боря в школу ходили,
Люба и Валя дома были.
Пока огонь в печке горит,
Надо успеть еду сварить,
Детям устные уроки прочесть
И задачи решить, пока свет в печке есть.
Другого света в доме не имели,
Керосина не было, и лампы не горели.
Чтобы печь растопить,
Надо горящих угольков раздобыть.
Смотрели, у кого идет дым из трубы,
Значит, за углями к нему надо идти,
И огонь домой нести.
Спичек не было ни у кого,
Только в печах сохраняли его.

В сорок втором Бориса на фронт забрали,
Он был доволен, что идет воевать.
Мы его со слезами провожали,
А ему казалось, что он идет гулять.
Ему было всего лишь шестнадцать лет,
Но так как наши войска отступали,
Боялись, чтобы немцы подростков не забрали.
Александра окопы ходила копала,
С раннего утра до вечера там пропадала.
Бузинку бомбили, железную дорогу повредили.
От Краснодара до Станичной железные рельсы
Наши сняли, чтобы врага задержать.
Противотанковые рвы Александра копала,
Чтобы врага на нашу землю не пускать.
Во время бомбежек дети под кровать залезали,
Что может дом разрушиться, не понимали.
Наши войска осенью отступали,
Все врагу оставляли.
Колхозники скот по домам разобрали,
Чтобы он не остался без еды, погибая.
Мы ничего не взяли,
У нас своя корова была.
Соседи свиней с фермы тащили,
Мы туда тоже не ходили.
Зерно в буртах немцам осталось,
Колхозникам на трудодни ничего не досталось.
Поэтому, пока отсутствовала власть,
Люди пытались хлеб взять в запас,
Зерно из буртов домой тащили,

Уносили на себе, кто сколько мог.
Лида с мамой раз пять ходили.
Далеко было, под собой не чуяли ног.
Утром власть немецкая была,
Боялись выйти со двора.
Когда немцы на мотоциклах проезжали,
Мы на речку в камыши убежали.
Затем немцы мимо прошли.
Зерно, что в буртах оставалось,
Все с собой они увезли.
Нам больше уже ничего не осталось,
Немцев больше мы не видали.
В соседней деревне избы они жгли,
Когда наши войска их выгоняли.
Эту зиму мы сыто жили.
Были хлеб, мука, молоко,
Мы на оккупированной территории жили,
Но немцы были от нас далеко.
Правда, одно время у нас
Стройбат был размещен,
Железнодорожный мост ремонтировал он.
Солдат по дворам разместили,
К нам в избу тоже кого-то вселили.
Высокий, худой солдат был,
«Я — поляк», — он нам говорил.
На деревянной лавке он спал,
Нас, детей, не обижал.
Вечером приходил, утром уходил.
Оружия никакого у него мы не видали,

Чем он занимался, мы не знали.
До войны вечерами в темную ночь,
При керосиновой лампе Георгий
Вслух читал «Капитанскую дочку».
О Хаджи Мурате — кавказском пленнике,
О Петре Первом и Мазепе-изменнике.
Раньше было трудно книгу достать,
А если такая ему попадалась,
То надо было вслух всем прочитать.
Ведь литература редко встречалась,
В деревне радио не было,
Не было ни газет, ни кино.
Кому не удавалось что-либо прочесть,
То рассказы слушать суждено.
Перед войной мы неплохо стали жить,
Было что есть и что пить.
Материи и промтоваров
Было очень-очень мало,
Конфет и сахара тоже очень не хватало.
Георгий сахар все-таки доставал,
Александра варенье из фруктов варила.
Зимой никто не голодал,
Соленых овощей и фруктов полно было,
Грецких орехов огромный мешок,
Кадушки соленых огурцов, помидор и слив,
Сливочного масла огромный горшок,
Моченые яблоки — белый налив.
Мальчишкам было, что на Рождество дать.
Ранним утром они шли нас поздравлять.

Пирожки, но чаще орехи им раздавали.
Рождество до рассвета воспевали,
Пока власти их не видали,
Потому что религию в то время запрещали,
Даже в тюрьму за это сажали.
Во время оккупации люди сказали,
Что Бориса в Краснодаре в плену видали.
Александра корову и детей оставила на Лиду,
Сама пошла в Краснодар, дать Борису еду.
Пока Саня в Краснодар ходила,
Корова ногу свою повредила.
В результате её привезли домой,
Хотя она была со сломанной ногой.
Корова дома неделю во дворе лежала,
Корм и воду регулярно получала,
Была у Лиды на попечении,
Пока не получила крови заражение.
Корова так страшно ревела и дрожала,
Лида перепугалась
И к соседу Фастову побежала.
Попросила её зарезать,
Чтобы она даром не пропала.
Сосед корову зарезал,
Но чтобы мясо продать,
Надо от ветврача справку взять.
Однако он справку не дал.
«Это сибирская язва», — сказал.
И чтобы людей не заражать,
Ее надо увезти и в землю закопать.

Подводу для вывоза колхоз дал,
Когда ее на подводу грузили,
То ее сломанная нога совсем сгнила,
Черви активно по ней бродили,
От заражения крови и погибла она.
Спорить с ветврачом было напрасно.
Чтобы ответственности не нести,
Все болезни сибирской язве
Приписывали они,
И было для них все прекрасно,
Корову на кладбище увезли
И глубоко в землю зарыли.
Дети над могилой поплакали,
А все чужие об этом забыли.
Осталась телочка одна,
Но она была очень мала,
Когда Саня домой пришла,
То коровы она уже не нашла.
В Краснодар она напрасно ходила,
Домашнюю еду Борису носила.
Пять дней у колючей проволоки стояла,
А Бориса она так и не видала.
Принесенную еду другим узникам отдала,
Разочарованная домой ушла.
По дороге ей попалась убитая змея,
И она поняла, что дома её ждет беда.
Началась снова холодная зима.
Люди снова Александре сказали,
Что Борис в плену сидит

И его надо подкормить.
Саня продукты снова собрала
И в Краснодар к Борису пошла.
Две недели там была,
Но Бориса опять не нашла.
Нюра Фастова сказала:
«Помогу вам прожить,
Немцы гонят коров на убой,
Остановились в колхозном дворе на постой.
Настин отец назначен их сторожить,
Но не будем его подводить.
Он принял на ночь под свою охрану коров,
По счету сто двадцать голов.
Поэтому ночью надо телка отвести,
А корову взамен привести».
Лида с Настей ночью телка увели,
Дойную корову домой привели.
Большую подушку Лида отдала
Фастам за все эти дела.
Лида зимой печку топила,
Корову, кур и детей кормила.
Воду из колодца таскала,
Маму домой ожидала.
Рано весной наши войска немцев прогнали,
Колхоз восстанавливать стали.
Начали у населения зерно отбирать,
Чтобы колхозные поля засеять.
Борис из плена сбежал,
Три дня дома отъедался.

Он был очень-очень худой,
Даже по ночам для еды просыпался.
Пошел в военкомат сообщить,
Что из немецкого плена сбежал.
Надеялся еще дома недельку пожить,
Но ему сказали, чтобы немедленно шел воевать.
Так и не наевшись вдоволь, ушел воевать.
А в военкомат сразу нельзя было не сообщать,
Его могли, как дезертира, расстрелять.
Саня в сарае яму вырыла
И два мешка зерна спрятала,
А сверху положила дрова.
Этим она нам жизнь спасла.
А ведро пшеницы оставила
На еду у всех на виду.
Скоро активисты в дом пришли, обшарили его,
Все зерно забрали и на еду не оставили,
«Нам надо засеять поля», — сказали.
С тех пор мы жили и все время голодные были,
Спасались тем, что было молоко.
А зерно понемножку
Вытаскивали, варили и ели.
Молоть негде было, вручную тяжело.
Вскоре активисты пришли
И корову забрали.
Мотив у них был такой:
Во время оккупации её достали.
А что мы её на телочку обменяли,
Которая пошла вместо неё на убой,

Этого они не считали.
Борису в армию об этом написали,
Он после боя прочитал командиру письмо.
«Что с воза упало, то пропало.
Бороться с этим нелегко».
Голодное детство нам было суждено.
Тут еще с фронта была получена похоронка.
В Крыму мамин брат Лёня Яглов был убит,
Родную землю от врага защищая.
Это горе трудно пережить,
Целую неделю Александра рыдала,
Родного брата вспоминала.
Полы в хате земляные были,
Поэтому мы, дети, за глиной ходили,
Один раз в неделю её приносили.
Чёрной глиной полы мазали,
Жёлтой плитуса наводили.
Как-то летом девочки сказали,
Что на промышленном огороде они видали,
Как бурты со сгнившим картофелем вскрывали.
Его брать всем разрешали.
Я с подругами туда пошла
И этой вонючей гнили набрала.
Пока домой шла из мешка всё текло,
Домой пришла, платье всё мокрым-мокро.
Я на речку пошла, отмыться от гнилья.
Гнилье во дворе в корыто с водой опустила.
Хорошо помешала, а после отстоя воду слила.
Так много-много раз повторила

И серый картофельный крахмал получила.
Когда этот серый крахмал сухим стал,
То неприятный запах уже потерял.
Мы из него кисель варили и
Господа за это благодарили.
В колхозе выращивалась сахарная свекла.
Весной сеялкой сеялась она,
Но когда всходила, то была очень густа,
Чтобы она росла, то должна быть прорежена.
В фазе вилочки колхозники её шаровали.
То есть вдоль ряда на коленях ползали
И на четыре см друг от дружки оставляли.
Школьники и малыши мамам помогали.
Я также там была и свеклу шаровала,
И никогда от других не отставала.
В фазе два-три листа её прорывали, тут
Женщины и школьники справлялись сами.
Когда корнеплоды убирали,
То мы, школьники,
Тоже в кучи их сносить помогали.
Затем взрослые на ней листья обрезали,
А брак, «повреждённую» домой забирали.
Чтобы было чем детей кормить,
Отварную свеклу ели как хлеб.
А отвар использовали как чай.
Это был прекрасный обед,
После него иди и гуляй.
Когда зима кончалась
И свеклу увозили на завод,

То трудная жизнь начиналась.
Тогда выручал рогоз,
В речку холодную заходили,
Корни его вырывали, отмывали,
Дробили и домой для еды уносили.
Потом для еды лебеда и крапива.
Ох, как нам надоела она.
Мы, школьники, как могли фронту помогали
Фашистов бить и авиационное
Масло с большим трудом добывали,
Выращивая клещевину.
От сорняков её спасали.
Созревшие колючие соплодия
В большие корзины собирали.
На заводе из её семян
Авиационное масло давили
И нас мысленно благодарили.
Пшеницу в поле растили,
Чтобы хлебом фронт кормить.
Сами её молотилкой молотили,
Чтобы зерно на элеватор возить.
Упавшие случайно колосья подбирали,
Чтобы их потом цепами на току обмолотить.
Полову и солому от молотилки войлоком
Мы, дети, на лошадке отвозили,
Чтобы зерно от неё отделить.
На току пшеницу шевелили,
Чтобы она быстрее просыхала.
Брезентом её накрывали,

Чтобы вовремя дождя не намокала.

Жизнь совсем стала тяжела...

Нет коровы, нет телки,

Нечего есть, нет молока.

Хата, в которой жили, была очень-очень стара.

Георгий перед войной лес приобрёл,

Чтобы жильё новое построить,

Но сам на войну ушёл,

Чтобы немцев там успокоить.

Совсем небольшая была комната:

Кровать, плита, русская печь,

Сундук, стол, лавочка, чтобы сесть.

Совсем негде детям лечь.

Александра решила строить дом.

Сама составила проект:

Две смежные комнаты, сени и русская печь,

Чтобы зимой было, куда лечь.

Колхоз выделил плотников,

Они столбы в землю зарыли,

Деревянный каркас соорудили,

На крыше деревянные кровли установили,

Балки на потолок положили,

Поперечными досками их соединили.

Саня самогонку из отходов свеклы варила,

Чтобы плотников поить.

Но ко всему прочему,

Их надо было ещё и кормить.

Камыш Александра в речке зелёный косила,

Домой его носила, сушила и в пучки вязала.

Лида во всем этом ей помогала
Чтобы стены дома получились,
Надо к поперечным планкам пучки камыша
В шахматном порядке закрепить,
А в образовавшееся пространство
Глину с соломой поместить.
Стали глину тачками во двор возить.
Затем привезли с поля половиу,
Которую с глиной мешали,
Водой обильно поливали.
Последнюю из колодца таскали,
Затем дети ножками её месили.
А мама эту глину носила и стену лепила.
Один день женщины села помогли.
Они в выходной залепили три стены,
Остался чердак и одна стена.
Очень тяжёлая эта работа была,
Надо было своими ножками
Глину с половиною месить и
По лестнице на чердак носить.
Размешивать её надо хорошо, а не крошками.
К зиме одну половину отделали
И в ней всю долгую зиму жили.
Во второй окна досками забили
И всю зиму туда не ходили.
Когда я в сельхозтехникум поступила,
То до поздней осени с голыми ногами ходила,
Пока мне девочки пучок чулок не подарили.
Хотя они и старые, но целые ещё были.

А когда в школу в Бузинке ходила,
То сапоги сорок пятого размера носила,
Они мне от папы в наследство остались.
Меньшего размера приобрести не получалось,
Село обувью не снабжалось.
Денег у нас тоже не случалось.
Деньги, которые на трудодни полагались,
Военными займами забирались.
Колхозников на собрание собирали,
До поздней ночи их там держали,
Пока согласие на удержание стопроцентной
Годовой зарплаты на заём не давали.
Так эти облигации и пропали,
Денег за них никогда нам не отдали.
Дети в основном в отрепьях ходили,
Обо всяких обновках забывали,
Еды только хотели и просили,
Только наполнить желудок мечтали.
Летом нам была лафа: росла всякая трава.
Лебеда, крапива, молочай, спорыш.
Молочай даже сладким был,
Когда его почистишь и от млека освободишь.
Мы молодые побеги срывали,
Кожицу с них сдирали,
Обеими ладонями катали,
Млечный сок с побегов снимали,
Песню напевали:
«Молочай, молочай,
По дороге покачай.

А с дороги да в дерьмо,
Чтобы слаще было».

Когда в техникуме училась,
Уже кончилась война.

А мама с детьми в колхозе оставалась
И всё также была голодна.

В техникуме нам по карточкам давали хлеба,
Пятьсот грамм, а мама (Александра) с
детьми в колхозе хлеба совсем не видала.

Соевый или подсолнечный
Жмых для еды получала,
На трудодни почти ничего не давали.

По сто грамм на трудодень —
Этого хватало на ползимы.

В поле колхозникам баланду на обед без хлеба
Наливали, а дома совсем нет еды.

Хлеб по карточкам в селе не давали,
Очень голодно было во время и после войны.

Трудодень — это запись за проработанный день.
Весь хлеб государство забирало,
Деньги на трудодни не получали,

А те гроши (по двадцать коп. на трудодень),
Что начисляли, то военные займы забирали.

А потом послевоенные годы
Для восстановления страны настали.

Хотя соя на Кубани никогда не росла,
Но соевым жмыхом
На трудодни выдавалась она.

Когда в сорок седьмом карточки на хлеб были

Отменены, в колхозе все равно были голодны.
Хлеб негде и не за что было приобрести.
Саня за 30 км в совхоз «Газирь» ходила,
Чтобы одежду на зерно поменять.
Из совхоза муки приносила,
Которой хватало дней на пять.
Особенно трудно было весной.
Фасоль, горох за зиму съедали,
Даже на посев не оставляли.
По пшенице весной
Падалица сахарной свеклы росла,
Зеленой листвой выделялась она.
Я приносила после школы её домой для еды.
Детей не во что было одеть.
Когда закончилась война и я
Свидетельство об образовании
Семилетки получила,
То мама мои документы
В Краснодар решила взять,
Чтобы в медицинский техникум их отдать.
Но в медицинский документы не взяли,
Так как туда только
Участников войны принимали.
И мама их отдала в Краснодарский техникум.
Тогда я захотела в экономический поступать,
И надо было медицинскую справку
У врача для этого взять.
Врач, который нас медицине учил,
Меня от этого отговорил, сказав, что

Надо такие профессии выбирать,
Чтобы помогали выживать.
А то будешь чужие деньги считать,
А сама от голода умирать.
«Справки не дам, лучше иди учишься на агронома.
Там всегда есть хлеб и солома.
Хоть яблоко в саду сорвешь,
А от голода не умрешь».
Трудные были года.
Основой жизни была еда.
Три года я в техникуме пребывала,
Агрономические науки там постигала.
В числе первых студентов слыла
И с первого курса отличницей была.
Затем мои учителя Андрей Дорофеевич
Войцехович и Григорий Макарович Байцур
Решили мою дальнейшую судьбу,
Направив меня на учебу в Тимирязевку.
После госэкзаменов документы мне дали,
А в Тимирязевку сообщение послали,
Что лучшая ученица в счет пяти процентов
К ним направляется и в дорогу собирается.
Как туда я отправлялась и во что я одевалась?
Собирала меня вся наша группа.
Кое-что из легкой одежды имела я,
Это была из Германии Борисом
Ночная рубашка прислана,
Которую я за красивое платье приняла.
Ее я выходным нарядом считала

И даже потом в Большой театр надевала.
Все присутствующие на меня глазели,
Но я не могла этого понять,
Думая, что им нравится мой наряд.
Зимняя одежда в негодность пришла.
Отрез три с четвертью метра
Сукна мне мама дала.
Из него мачеха подруги мне сшила пальто,
В нем было мне зимой тепло.
Подругу мою Верой Науменко звали.
За шитье с меня денег не взяли,
Так как денег не имела я.
В дорогу меня группа провожала,
Еду в дорогу собрала
И счастливого пути мне желала.
Слабый дождь нас поливал, кто-то сказал,
Что он удачу мне предвещал.
Мимо Бузинки ночью проехала,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.